

Эллис в изгнании в Тичино | Exiled Ellis in Ticino

Автор: Людмила Клот, [Локарно](#) , 07.11.2012.

Необычная пара: Иоганна ван дер Мойлен и Лев Кобылинский

Лев Кобылинский, известный под псевдонимом Эллис, начал свою литературную жизнь как поэт-символист Серебряного века в Москве, а завершил – религиозным философом в Швейцарии, где скончался в 1947 году. По следам его прошел профессор Венского университета Федор Поляков.

Lev Kobylinsky, also known as Ellis, began his career as a symbolist poet in Moscow and finished as a religious philosopher in Switzerland, where he died in 1947. His life was traced back by professor Fedor Poliakov from the Vienna University.

Exiled Ellis in Ticino

*...Моя душа, обвив мечту свою,
Не отдает ее небытию...
Эллис*

Лев Львович Кобылинский родился 2 августа 1879 года в Москве, а умер 17 ноября 1947 года в швейцарском Локарно. Он остался в истории литературы как поэт-символист и теоретик символизма, переводчик и христианский философ, активно

знакомивший западных читателей с русской литературой и философской мыслью.

Федор Борисович Поляков – профессор, директор Института славистики Венского университета. После окончания Московского университета в 1981 году переехал в Германию, защитил диссертацию по классической филологии в Кельне, там же преподавал византистику, затем в Трирском университете защитил докторскую диссертацию о придворной культуре барокко в Москве в XVII-м веке. Преподавал в нескольких университетах Германии, был сотрудником Австрийской академии наук, в 2005 году был приглашен в Венский университет.

Наша Газета.ch: Федор Борисович, откуда у литератора это необычное поэтическое имя – Эллис?

Федор Поляков: Нетрудно догадаться, что оно изобретенное. Но как и зачем? Лев Кобылинский был внебрачным сыном известного московского педагога, владельца частной мужской гимназии Льва Поливанова и Варвары Кобылинской. Трудно судить, насколько тайна рождения повлияла на молодого человека, хотел ли он изменить имя и свою идентичность. Скорее, можно говорить о том, что он страстно искал свой путь в литературе. Лев Кобылинский учился на юридическом факультете Московского университета. Как поэт Эллис стал известен уже в Москве, сотрудничал в журнале «Весы», вместе с Андреем Белым создал издательство «Мусагет», целью которого был перевод европейских писателей.

Впоследствии мне встречались его тексты на немецком, где он подписывался как *Dr. Lins*. Можно догадаться, что частичка *Lins* взята из фамилии «Кобы-ЛИНС-кий». А перед ней ставился инициал «Л» - или «эл» - от имени Лев. Из конструкции выскочила «н», так появился *El-Lis*, поэт-символист.

В юности Эллис отличался эксцентричностью в поступках и манерах. Неистово увлекался Бодлером, переводил его стихи (в одно время у него в доме были постоянно опущены шторы и горели свечи перед портретом Бодлера, вспоминали

современники). Одевался как денди, несмотря на скромные средства. Эллиса хорошо знали и любили сестры Цветаевы, Марина и Ася. Юная Марина Цветаева посвятила ему стихотворение «Чародей», которое завершается строками «Твоя любовь была такой ошибкой, - Но без любви мы гибнем. Чародей!» А вот Александр Блок недолго любил Эллиса, справедливо подозревая его в том, что поэты той эпохи занимались литературой, а этот - в литературе чем-то еще, своим. «Мне не нравится стремление Эллиса латинизировать русский символизм», - высказался Блок.

Как русский символист Эллис оказался в Швейцарии?

В 1911 году он уехал в Европу, продолжая свои мистические философские искания. Кобылинский был тогда увлечен антропософским движением Рудольфа Штейнера. Этот философ и эзотерик работал в Германии, а потом создал под Базелем, в Дорнахе, культурный центр Гётенаум, привлекавший массу последователей, в основном - из России. Эллис, все делавший со страстью, отдался интересу к философии Штейнера. Вначале по-немецки не говоривший, он присутствовал на всех лекциях профессора, чтобы почувствовать его магнетизм.

Можно сказать, Штейнер был для Кобылинского одним из этапов развития?

Да, это так. У Эллиса была потребность прийти к Штейнеру, пройти через него и двинуться дальше. Но последствия знакомства с антропософией долго мучили его: Эллису казалось, что «Маг и Учитель» воздействует на него на расстоянии - захватил его душу и производит над ней манипуляции. Уйдя от Штейнера, Эллис поссорился с Андреем Белым, с которым его связывала многолетняя дружба еще в России. Ведь это Кобылинский должен был быть секундантом, когда Белый вызвал Блока на дуэль, будучи влюбленным в его жену Любовь Менделееву. Белый впоследствии вывел Эллиса в своих воспоминаниях, и портрет этот не самый симпатичный.

Но вначале Кобылинский делал такие успехи, что в качестве награды получил привилегию заниматься с любимой ученицей профессора. Ею была голландская оккультистка, философ Иоганна ван дер Мойлен. А занимались они даже не немецким языком, не магическими практиками и не теорией Штейнера, а - русским

СИМВОЛИЗМОМ...

Занятия символизмом в обществе Эллиса оказались для ван дер Мойлен настолько успешными, что она рассталась с профессором Штейнером, выбрав путь философского познания, по которому пошла дальше с Кобылинским. А так как Иоганна происходила из очень состоятельной семьи, то все его дальнейшие материальные проблемы были решены. В Локарно был куплен большой земельный участок на горе Монте, там выстроен дом, где Эллис прожил с 1921 года и до самой смерти.

Почему именно Локарно? Каким был его дом, образ жизни в Швейцарии?

Гора Монти, где они поселились, была прекрасным, но глухим местом. Тогда здесь не было не только транспорта, но и приличных дорог. Мне рассказывали, что у ван дер Мойлен был ослик, на котором спускались вниз за провизией. Но сам кантон Тичино – южный воздух, магнолии, горы, изумительные пейзажи, очень привлекал художников и писателей. Одно время там существовал островок русской культуры. В тех краях обитала художница [Марианна Веревкина](#) – кажется, они с Эллисом вовсе не общались...

Жил Кобылинский очень скромно, но не совершенным отшельником: к нему приезжали, конечно, гости, друзья, в основном из Германии. Эллис и его спутница ездили на художественные выставки, концерты в Цюрих и другие города. В деревне Кобылинского, кажется, недолюбливали. У него была аура нездешнего человека, живущего в непонятном мистическом мире, простых людей это тревожило.

Отправляясь в Монте, я хотел увидеть то место, где он работал. Ожидал, что все будет разрушено. Но глазам моим предстал дом – скромный, небольшой, сегодня в нем живут другие владельцы. И я нашел людей, которые о нем еще помнили. Например, одна местная женщина поделилась воспоминаниями.

Каждый день, в одно и то же время, Эллис в компании своей собаки совершал прогулку по горной тропинке. На пути присаживался на скамейку, думал о чем-то. Потом брал в руки камушек и бросал в пропасть. Я поднялся тем же путем. Присел – скамейка была уже другая, новая, но вся обстановка хранила следы. И в этот безмолвный момент я увидел то, что в течение многих лет видел Кобылинский перед собой, и мне тогда показалось, что понял смысл его действий. Он отсчитывал нечто: символисты ведь любили цифры, ритмы. Может быть, отмечал этот день или свое время, себя во времени?

Участвовал ли Кобылинский-Эллис в политической жизни русских изгнанников?

Документальных свидетельств о политических взглядах Эллиса не осталось. Вначале он вел активную переписку, но прекратил ее с Первой мировой войной. Он интересовался социальными идеями, но никогда не занимался какой-либо борьбой или подготовкой к ней. Скорее, он воспринимал все происходящее в мире – войны, революции, как часть некоего процесса, встроенного в религиозную и философскую систему. Например, органичного пути к закату Европы.

Как складывалась его семейная жизнь?

Никак. Кобылинский и ван дер Мойлен жили вместе, но не были парой в традиционном смысле слова. Скорее, очень близкими по духу и творческим устремлениям людьми.

Иоганна ван дер Мойлен тоже была литератором?

Ее лучше назвать не писателем, а сильным визионерским религиозным философом, чьи идеи и предсказания как раз воплощал в литературную форму Лев Кобылинский. Она писала под псевдонимом «Интермедиариус», что означает «посредник». Сочинения Интермедиариуса были изданы в Базеле в 4-х томах. В них рассказывается о начале мира, душе, архее – месте, где хранится память души и рода. С одной стороны, этот «писатель» был литературной мистификацией, а с другой – современники признали его в качестве глубокого христианского мыслителя.

Эллис перевел на немецкий язык стихи и философские произведения Владимира

Соловьева, снабдив их своими комментариями. Стихов Эллис в эмиграции писал намного меньше. Но создал биографии Пушкина, Жуковского.

Было ли у Кобылинского чувство неприятия действительности, мучавшее большинство русских эмигрантов постреволюционной эпохи?

Эллис не был типичным эмигрантом, к моменту, когда грянула революция, он уже давно жил за границей. Но переломным рубежом для него стал 1914 год, Первая мировая война – если до того этот выходец из элитарного московского круга жил в Европе по собственному желанию, то теперь он просто не мог вернуться. Эллис растерялся... К тому же западная культура требовала каких-то действий, хотя бы литературной, но работы – например, чтобы он объяснял ей русскую культуру. И поэт оказался перед конфликтом ожиданий: с одной стороны, у него были здесь читатели, профессиональные богословы, философы и литературоведы, интересовавшиеся русской тематикой. А другой – он, поэт-символист, просто любил «про все это» поговорить. У Эллиса не было столь громкого европейского имени, как у Мережковского. К счастью, он не столкнулся с необходимостью зарабатывать деньги в эмиграции.

Пожалуй, единственное, что вызывало у него сожаление – ему хотелось бы больше писать и публиковаться, лучше донести до читателя свои замыслы, к примеру, книги о Владимире Соловьеве.

Почему Кобылинский чувствовал себя преемником Соловьева? Философ являлся ему во время мистических опытов?

Нет, все гораздо реальнее. Эллис не только прекрасно знал работы Соловьева, но и был хорошо знаком с его братом, Михаилом Сергеевичем Соловьевым, а Сергей, сын Михаила, был другом Эллиса. Такая близость к семье давала Кобылинскому несомненные преимущества, и, конечно, он много рассуждал с его близкими о философии Соловьева и сам разделял ее.

Удалось ли Вам разыскать творческое наследие Эллиса в Швейцарии?

В 1947 году Эллис скончался. И сразу же после умерла его собака сенбернар. Иоганна осталась одна. В один прекрасный день в ворота дома постучался путник из Палермо. Иоганна повела себя так, словно всегда его знала – неизвестный человек остался в доме, помогал по хозяйству. На зиму он начал увозить пожилую женщину от холодов к своей семье на юг. Из одной такой поездки Иоганна не вернулась. Зато человек из Палермо снова приехал в Тичино, и когда голландские родственники обнаружили, что Иоганна больше нет, и занялись, наконец, улаживанием вопросов с наследством, то все имущество, книги, рукописи бесследно исчезли...

Но самый последний подарок от Эллиса я обнаружил благодаря швейцарской ответственности и консерватизму. В своих документах Кобылинский писал, что перевел сборник стихов русских поэтов и отправил его в издательство в Люцерн.

Не составило большого труда вычислить, какое именно это было издательство. В надежде найти рукопись, я позвонил туда и спросил, есть ли у них архив. «Разумеется, нет», - удивленно ответили на том конце провода. Тогда я переформулировал вопрос: «А что вы делаете с неопубликованными рукописями, выбрасываете? Я ищу книгу автора, которая должна была выйти в 1947 году, но помешала его смерть».

Оказалось, Швейцария – это замечательная страна, где хранят все! В маленьком издательстве не было архива, зато имелась комната, куда десятилетиями складывались все рукописи. И меня пустили туда, я трепетно зашел в эту комнату в белой рубашке – и вышел через два часа, рубашка после раскопок стала непонятного цвета, зато в руках у меня была бесценная рукопись!

Все найденные в процессе погони за Эллисом по Европе переводы, записи, стихи и письма я готовлю к будущему изданию, в надежде когда-либо показать, кем был этот поэт-символист, столько сделавший для того, чтобы стал возможен диалог культур.

От редакции: Главный интерес Федора Полякова - изучение связей русской культуры с ее европейским окружением, преимущественно в условиях эмиграции. Некоторые

результаты его исследований увидели свет в составе издаваемой им во Франкфурте серии *Russian Culture in Europe*.

Source URL: <https://nashgazeta.ch/news/14416>